

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ АНАРХИСТ

Как известно, князь Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) был русским революционером, философом и публицистом, а также создателем идеологии анархокоммунизма и одним из самых влиятельных теоретиков анархизма.

По мнению Кропоткина, анархизм происходит из того же революционного протеста, того же людского недовольства, что и социализм. Он писал: «Как и социализм, анархизм родился среди народа». И еще так: «Анархизм представляет собой творческую созидательную силу самого народа, выработавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защититься от желающего господствовать над ним меньшинства».

Так уж получилось, что в последнее время в общественное сознание внедрился образ анархиста, неразрывно связанный с террором. Но Кропоткин не был террористом. Более того, у него нет работ, специально посвященных проблеме терроризма. Да, в принципе он не отрицал террор, однако его отношение к целесообразности этой тактики и ее эффективности было довольно сдержанным. И, кстати, борьбу террористов-народовольцев он считал обреченной на неудачу.

Результатом революции Кропоткин видел установление «безгосударственного коммунизма», то есть нового общественного строя в виде вольного федеративного союза самоуправляющихся единиц (общин, территорий, городов), и все это должно было быть основано на принципе добровольности и «безначалья».

Предполагалось коллективное ведение производства, коллективное распределение ресурсов и вообще коллективность всего, что относится к экономике, к сфере услуг, а также к человеческим взаимоотношениям.

Будучи высокообразованным человеком, Кропоткин пытался подвести под анархизм научную основу, чтобы аргументированно показать его необходимость.

Выпускник Пажеского корпуса и любимец царского двора, Кропоткин в свое время отказался от блестящей карьеры и поехал в Сибирь, чтобы путешествовать и участвовать в реформах, в которые он тогда еще верил. Разочаровавшись в них и в государстве, он бросил службу и погрузился в науку. А затем он бросил и любимую науку — ради революции и служения народу.

Для Кропоткина анархизм представлялся философией человеческого общества. Метод его познания был основан на едином для всех законе солидарности, взаимной помощи и поддержки. Он стремился доказать, что дарвиновское положение о борьбе за существование следует понимать как борьбу между видами и взаимопомощь внутри видов. Согласно Кропоткину, взаимная помощь и солидарность — это мощные двигатели прогресса.

Кропоткин считал, что «анархисты существовали во все времена истории». Он исследовал взаимопомощь среди племен бушменов и эскимосов, выявил ее роль в создании таких форм человеческого общежития, как род и община. В период Средневековья это были цехи, гильдии и вольные города, а в Новое время — страховые общества, кооперативы, объединения людей по интересам (научные, спортивные и другие общества). В таких человеческих организациях отсутствует какая-либо принудительная власть, а все основано на понимании и увлеченности людей своим делом.

В государстве все иначе. Но, по мнению Кропоткина, совершенно недопустимо отождествлять государство и правительство. Да, государство немислимо без правительства, но «понятие о государстве подразумевает нечто совершенно другое, чем понятие о правительстве, — оно обнимает собою не только существование власти над обществом, но и сосредоточение управления местною жизнью в одном центре, т.е. территориальную концентрацию, а также сосредоточение многих отправлений обществен-

ной жизни в руках немногих». Государство, по словам Кропоткина, «предполагает возникновение совершенно новых отношений между различными членами общества», и весь механизм законодательства и полиции «выработан для того, чтобы подчинить одни классы общества господству других классов». В итоге, рабочий трудится более для государства, чем даже крепостной раб некогда работал на своего господина.

Взять те же налоги — важнейшее средство создания могущества государства. Правительства великолепно знают, что налог «представляет им самый удобный способ создавать большие состояния за счет малых, делать народ бедным и обогащать некоторых, отдавать с большими удобствами крестьянина и рабочего во власть фабриканта и спекулянта, поощрять одну промышленность за счет другой и все вообще промышленности — за счет земледелия и в особенности за счет крестьянина или же всего народа».

По мнению Кропоткина, налог — это «самая удобная для богатых форма, чтобы держать народ в нищете».

Плюс государство создает привилегии и монополии «в пользу некоторых из своих подданных и к невыгоде остальных». По сути, капитал и государство — это два параллельно растущих организма, которые невозможны один без другого, и против которых поэтому нужно всегда бороться вместе. Кропоткин был уверен, что государство никогда не смогло бы приобрести силу и мощь, если бы оно не покровительствовало росту земельного и промышленного капитала. И, конечно же, если бы оно не покровительствовало эксплуатации — сначала племен пастушеских народов, потом земледельческих крестьян и еще позднее промышленных рабочих.

Кропоткин отмечал, что через всю историю цивилизации проходят «два течения, две враждебные традиции». Это традиция власти и традиция свободы. Какое из них выбрать? Ответ Кропоткина на этот вопрос однозначен: «Наш выбор сделан. Мы пристаем к тому течению, которое еще в двенадцатом веке приводило людей к организа-

ции, основанной на свободном соглашении, на свободном почине личности, на вольной федерации тех, кто нуждается в ней».

А под свободой он понимал «возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания (телесного, или страха голода, или даже боязни порицания, если только оно не исходит от друга)».

И Кропоткин призывал в наступившем двадцатом веке, каков бы ни был новый вид развития, к безгосударственной свободе. Почему к безгосударственной? Да потому, что не должно быть никаких властей, которые навязывают другим свою волю, никакого владычества человека над человеком. Не должно быть «никакой неподвижности в жизни, а вместо того — постоянное движение вперед, то более скорое, то замедленное, как бывает в жизни самой природы».

По мнению Кропоткина, лучшую основу для развития личности представляет собой коммунизм. Он писал: «Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм — к анархизму, причем и тот и другой представляют собой не что иное, как выражение одного и того же стремления, преобладающего в современных обществах, — стремления к равенству». Но коммунизм Кропоткина — это был не коммунизм немецких теоретиков-государственников. Это был коммунизм анархический, коммунизм без правительства, коммунизм свободных людей. «Это — синтез, то есть соединение в одно двух целей, преследовавшихся человечеством во все времена: свободы экономической и свободы политической».

Но, говоря о свободе и о развитии личности, Кропоткин имел в виду не тот индивидуализм, который толкает людей на борьбу друг с другом, а «полный расцвет всех способностей человека, высшее развитие всего, что в нем есть оригинального, наибольшую деятельность его ума, чувств и воли». Таков был его идеал, но он прекрасно понимал, что во всей своей полноте это осуществится лишь в более или менее отдаленном будущем.

В данной книге собраны фрагменты различных работ Кропоткина, и характерной чертой всех из них является придание особого значения человеческой личности. По мнению Кропоткина, общество может прийти к процветанию, только учитывая интересы каждого отдельного человека и давая ему свободу самовыражения. Приводя пример империи Александра Македонского, Кропоткин писал: «Водворилось государство, которое начало выжимать жизненные соки цивилизации, пока не настала смерть». И подобных примеров бесчисленное множество.

С другой стороны — сельская община. Там у людей имеется тысяча общих интересов, и свои проблемы люди решают сообща. Аналогична ситуация с гильдиями купцов и цехами ремесленников.

А что же государство?

По мнению Кропоткина, тут возникает неизбежная дилемма: «или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникнет в тысяче и тысяче центров» (на почве личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения), «или государство раздавит личность и местную жизнь», «принесет с собой войны и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностные революции, лишь сменяющие тиранов».

Кропоткин был уверен, что необходимо отвергнуть «владычество человека над человеком, какого бы вида оно ни было», а это значит — необходимо принять принципы анархизма.

По убеждениям Кропоткина, анархия — это не хаос, а свобода личности, мысли, творчества.

Кропоткин был уверен, что общество должно «стремиться установить в своей среде известное гармоническое соответствие — не посредством подчинения всех своих членов какой-нибудь власти, которая считалась бы представительницей всего общества, не попытками установить единообразие, а путем призыва людей к свободному развитию, к свободному почину, к свободной деятельности, к свободному объединению».

И свободу Кропоткин трактовал вовсе не как «осознанную необходимость» (что это за свобода, основанная на принуждении). По его мнению, «свобода есть возможность действовать, не входя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания (телесного, или страха голода, или даже боязни порицания, если только оно не исходит от друга)».

Кропоткин писал:

«Общество зиждется на сознании — хотя бы инстинктивном, — человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полуосознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех».

Ну а что же государство?

Кропоткин приводил такой довод: «Человек существовал уже в течение целых тысячелетий, прежде чем образовались первые государства». Он был убежден, что племена людей жили вполне достойно «званию» человека разумного задолго до первых деспотических государств.

Но, и от этого никуда не деться, в человеческом обществе идет извечная борьба двух течений — «народного и начальнического». В народе постоянно вырабатываются формы взаимопомощи и единения, но этому обязательно мешают люди, стремящиеся к власти, господству над народом, желающие добиться личных привилегий за счет других.

Кстати, сам Кропоткин никогда не претендовал на роль вождя и поводыря «темных масс», несмотря на то, что из всех российских революционеров именно он был не только одним из самых образованных, но и достиг наибольших успехов в научном познании.

Интеллектуальный потенциал Кропоткина был поистине колоссальным. И у этого удивительного князя имела место страстная вера в простой народ. Жажда справедливости не позволяла ему отрешенно мудрствовать, ведя академически бесстрастные изыскания. Каждая его

книга, каждая статья — все пронизано его личными убеждениями.

Считается, что в своих философских воззрениях Кропоткин был последователем Огюста Конта и Герберта Спенсера. Он критически относился к метафизике и схоластике, считая, что на смену «отвлеченному философствованию» должен прийти «истинно научный метод». И общественным идеалом Кропоткина, как уже говорилось, был анархический (безгосударственный) коммунизм, в котором революционным путем будет полностью покончено с частной собственностью.

С другой стороны, будучи убежденным противником любой формы государственной власти, Кропоткин не принимал идею диктатуры пролетариата. По его мнению, любая диктатура, любая власть человека над человеком портит даже лучших из людей. И любые формы управления людьми, связанные с подавлением человека, противостоят природе анархизма.

После Февральской революции 74-летний Кропоткин вернулся из вынужденной эмиграции в Россию. Но он был разочарован этой революцией и особенно встречей с российскими анархистами, которых он посчитал грубыми развязными молодыми людьми, взявшими за основу принцип вседозволенности.

Кропоткин слишком долго пробыл за пределами России, и его успели порядком подзабыть. Выросло новое поколение российских анархистов, и они хотели «всего и сразу», не утруждая себя теорией. Тот же Нестор Махно с гордостью заявлял, что он — верный ученик Кропоткина. Однако при встрече с Кропоткиным весной 1918 года у них произошло недопонимание. Махно просил у Кропоткина совета: стоит ли пробраться нелегально на Украину для революционной работы? А Кропоткин ответил: «Этот вопрос связан с большим риском для вашей, товарищ, жизни, и только вы сами можете его разрешить». Но Махно понял это так: возраст ослабил волю и решимость «старика». Махно готов был рисковать своей жизнью и посылать на смерть других, а Кропоткин стоял на иной

позиции. Он не раз рисковал своей жизнью, но не смел распоряжаться судьбой кого бы то ни было.

Удивительное дело, анархистские постулаты Кропоткина зарядили революционную среду своей непримиримостью, а его идеи приобрели интерпретацию крайнего индивидуализма воинствующего толка и насильственных проявлений. Но сам Кропоткин не принимал этого, а таким людям, как Махно, более по душе в то время был, например, Троцкий с его кипящими страстями речами.

А.Ф. Керенский предложил Кропоткину войти в состав Временного правительства, но тот отказался, заявив, что не желает участвовать в работе государственного аппарата, становиться его деталью, начальствовать. Он прямо сказал: «Я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным!»

Достаточно быстро Кропоткин разочаровался и в Октябрьском революционном перевороте. При большевиках он обосновался в подмосковном Дмитрове. Там он и умер 8 февраля 1921 года. А до этого он резко критиковал марксистов за теорию государственного социализма и за раскол в Международном товариществе рабочих. Он не менее двух раз лично встречался с В.И. Лениным, и он обвинил его в порождении класса новой бюрократии, развязывании гражданской войны и «красного террора». Кропоткин написал несколько писем Ленину, и в одном из них было сказано:

«Бросаться в красный террор, а тем более брать заложников <...> недостойно социалистической революционной партии и позорно для ее руководителей <...> Открыть эру красного террора — значит признать бессилие революции <...> Полиция не может быть строительницей новой жизни. А между тем она становится теперь верховной властью в каждом городе и деревушке. Куда это ведет Россию? К самой злостной реакции».

Кропоткин писал Ленину, что Россия стала Советской Республикой лишь по имени, что теперь в России правят не Советы, а партийные комитеты, что если такое поло-

жение продлится, то само слово «социализм» обратится в проклятье.

В ответ на подобные упреки Ленин, по воспоминанию его секретаря В.Д. Бонч-Бруевича, ответил Кропоткину: «Ну, ничего не поделаешь! Революцию в белых перчатках не сделаешь».

На самом деле Ленин говорил еще более страшные вещи: «Революции в белых перчатках не делаются. Пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Нужно поощрять энергию и массовидность террора. Массовые обыски. Расстрел за хранение оружия. Беспощадный террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь. Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал. Пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции».

В апреле 1919 года Кропоткин написал:

«Согласно моему взгляду, попытка построить коммунистическую республику на основе строго централизованного государственного коммунизма под железным законом партийной диктатуры в конце концов потерпит банкротство. На России мы учимся, как нельзя вводить коммунизм даже с народом, который устал от старого режима и не оказывает активного сопротивления экспериментам новых правителей».

И он оказался прав. Это банкротство мы видели своими глазами...

П.А. Кропоткин по праву может считаться последним энциклопедистом — он разбирался во многих областях знаний, и его идеи часто не были поняты современниками. Он своей собственной жизнью доказал верность своих идеалов. У него не было расхождений между интеллектуальной и практической деятельностью, нравственными идеалами и поведением, образом мыслей и образом жизни. Он был твердо убежден: благородных целей можно добиться только благородными средствами. И в этом он

Сергей Нечаев

актуален и сегодня, так как проблемы, рассматривавшиеся и критиковавшиеся им, никуда не делись. Ведь до сих пор существуют социальная несправедливость, кровавые войны, индустриально-капиталистическая система подавления, подчинение человека неумолимой и не зависящей от него логике рынка и мощной государственной бюрократии.

На все актуальные вопросы, занимающие умы нынешних философов, Кропоткин дал свои ответы. Это заставляет нас более внимательно относиться к его наследию, ведь истину далеко не всегда следует искать в чем-то новом. Иногда ее можно найти в давно забытом прошлом.

Сергей Нечаев

АНАРХИЯ